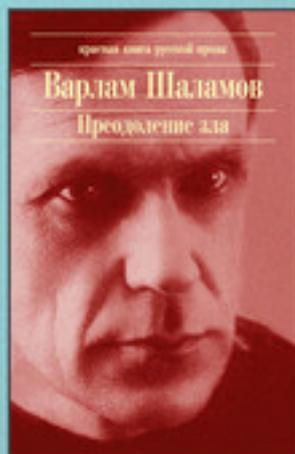

Варлам Шаламов

Перчатка

*Часть сборника
Преодоление зла (сборник)*

Перчатка, или КР-2

Варлам Шаламов

Перчатка

«ФТМ»

Шаламов В. Т.

Перчатка / В. Т. Шаламов — «ФТМ», — (Перчатка, или КР-2)

«Где-то во льду хранятся рыцарские мои перчатки, облежавшие мои пальцы целых тридцать шесть лет теснее лайковой кожи и тончайшей замши Эльзы Кох...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Варлам Шаламов

Перчатка

Ирине Павловне Сиротинской

* * *

Где-то во льду хранятся рыцарские мои перчатки, облежавшие мои пальцы целых тридцать шесть лет теснее лайковой кожи и тончайшей замши Эльзы Кох.

Перчатки эти живут в музейном льду – свидетельство, документ, экспонат фантастического реализма моей тогдашней действительности, ждут своей очереди, как тритоны или целоканты, чтобы стать латимерией из целокантов.

Я доверяю протокольной записи, сам по профессии фактограф, фактолов, но что делать, если этих записей нет. Нет личных дел, нет архивов, нет историй болезни...

Документы нашего прошлого уничтожены, караульные вышки спилены, бараки сровнены с землей, ржавая колючая проволока смотана и увезена куда-то в другое место. На развалинах Серпантинки процвел иван-чай – цветок пожара, забвения, враг архивов и человеческой памяти.

Были ли мы?

Отвечаю: «были» – со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчетливостью документа.

Это рассказ о моей колымской перчатке, экспонате музея здравоохранения или краеведения, что ли?

Где ты сейчас, мой вызов времени, рыцарская моя перчатка, брошенная на снег, в лицо колымского льда в 1943 году?

Я – доходяга, кадровый инвалид прибольничной судьбы, спасенный, даже вырванный врачами из лап смерти. Но я не вижу блага в моем бессмертии ни для себя, ни для государства. Понятия наши изменили масштабы, перешли границы добра и зла. Спасение может быть благо, а может быть и нет: этот вопрос я не решил для себя и сейчас.

Разве можно держать перо в такой перчатке, которая должна лежать в формалине или спирте музея, а лежит на безымянном льду.

Перчатка, которая за тридцать шесть лет стала частью моего тела, частью и символом моей души.

Все окончилось пустяками, и кожа опять выросла. Выросли на скелете мышцы, пострадали немного кости, искривленные остеомиелитами после отморожений. Даже душа выросла вокруг этих поврежденных костей, очевидно. Даже дактилоскопический отгиск один и тот же на той, мертвой перчатке и на нынешней, живой, держащей сейчас карандаш. Вот истинное чудо науки криминалистики. Эти двойни-перчатки. Когда-нибудь я напишу детектив с таким перчаточным сюжетом и внесу вклад в этот литературный жанр. Но сейчас не до жанра детектива. Мои перчатки – это два человека, два двойника с одним и тем же дактилоскопическим узором – чудо науки. Достойный предмет размышлений криминалистов всего мира, философов, историков и врачей.

Не только я знаю тайну моих рук. Фельдшер Лесняк, врач Савоева держали ту перчатку в руках.

Разве кожа, которая выросла, новая кожа, костевые мускулы имеют право писать? А если уж писать – то те самые слова, которые могла бы вывести та, колымская перчатка – перчатка работяги, мозолистая ладонь, стертая ломом в кровь, с пальцами, согнутыми по черенку

лопаты. Уж та перчатка рассказ этот не написала бы. Те пальцы не могут разогнуться, чтоб взять перо и написать о себе.

Тот огонь новой кожи, розовое пламя десятисвечника отмороженных рук разве не был чудом?

Разве в перчатке, которая приложена к истории болезни, не пишется история не только моего тела, моей судьбы, души, но история государства, времени, мира.

В той перчатке можно было писать историю.

А сейчас – хотя дактилоскопический узор одинаков – рассматриваю на свет розовую тонкую кожу, а не грязные окровавленные ладони. Я сейчас дальше от смерти, чем в 1943 или в 1938 году, когда мои пальцы были пальцами мертвеца. Я, как змей, сбросил в снег свою старую кожу. Но и сейчас новая рука откликается на холодную воду. Удары отморожения необратимы, вечны. И все же моя рука не та рука колымского доходяги. Та шкура сорвана с моего мяса, отслоилась от мышц, как перчатка, и приложена к истории болезни.

Дактилоскопический узор обеих перчаток один: это рисунок моего гена, гена жертвы и гена сопротивления. Как и моя группа крови. Эритроциты жертвы, а не завоевателя. Первая перчатка оставлена в Магаданском музее, в музее Санитарного управления, а вторая принесена на Большую землю, в человеческий мир, чтобы оставить за океаном, за Яблоновым хребтом – все нечеловеческое.

У пойманных беглецов на Колыме отрубали ладони, чтобы не возиться с телом, с трупом. Отрубленные руки можно унести в портфеле, в полевой сумке, ибо паспорт человека на Колыме – вольняшки или заключенного-беглеца один – узор его пальцев. Все нужное для опознания можно привезти в портфеле, в полевой сумке, а не на грузовике, не на «пикапе» или «виллисе».

А где моя перчатка? Где она хранится? Моя рука ведь не отрублена.

Глубокой осенью 1943 года, вскоре после нового десятилетнего срока, не имея ни силы, ни надежды жить – мускулов, мышц на костях было слишком мало, чтобы хранить в них давно забытое, отброшенное, ненужное человеку чувство вроде надежды, – я, доходяга, которого гнали от всех амбулаторий Колымы, попал на счастливую волну официально признанной борьбы с дизентерией. Я, старый поносник, приобрел теперь веские доказательства для госпитализации. Я гордился тем, что могу выставлять свой зад любому врачу – и самое главное – любому не-врачу, и зад выплюнет комочек спасительной слизи, покажет миру зелено-вато-серый, с кровавыми прожилками изумруд – дизентерийный самоцвет.

Это был мой пропуск в рай, где я никогда не бывал за тридцать восемь лет моей жизни.

Я был намечен в больницу – включен в бесконечные списки какой-то дыркой перфокарты, включен, вставлен в спасительное, спасательное колесо. Впрочем, тогда о спасении я думал меньше всего, а что такое больница и вовсе не знал, подчинялся лишь вековечному закону арестантского автоматизма: подъем – развод – завтрак – обед – работа – ужин, сон или вызов к уполномоченному.

Я много раз воскресал и доплывал снова, скитался от больницы до забоя много лет, не дней, не месяцев, а лет, колымских лет. Лечился, пока не стал лечить сам, и тем же самым автоматическим колесом жизни был выброшен на Большую землю.

Я, доходяга, ждал этапа, но не на золото, где мне только что дали десять лет добавки к сроку. Для золота я был слишком истощен. Моей судьбой стали «витаминные» командировки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.